

УДК 1(091)

Ж. ДЕРРИДА И ДЖ. СЕРЛЬ: ДЕКОНСТРУКЦИЯ VERSUS ТЕОРИЯ РЕЧЕВЫХ АКТОВ

В.В. Смирнов

ФГБОУ ВПО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Джон Серль и Жак Деррида – представители соответственно аналитического и постструктуралистического течений в философии. В настоящей статье дана попытка компаративного анализа концептуальных схем этих двух направлений философии XX в. на материале полемики указанных философов, имевшей место в конце 70-х гг. Poleмика не носила характер открытых дебатов или прямого диалога, а протекала в режиме письменного комментария. Последний факт особенно значим, поскольку позволяет выстроить систему аргументации и концептуальный каркас, свойственные аналитической и постструктуралистской мысли.

Ключевые слова: *речевые акты, контекст, локуция, иллокуция, перлокуция, пропозиция, итерабельность, цитация, паразитизм, использование и упоминание, деконструкция.*

Инициатором полемики двух авторов был Дж. Серль, который написал критическую статью «Reiterating difference» в ответ на работу Деррида «Подпись, событие, контекст», содержащую критику теории речевых актов Дж. Остина. Прежде чем рассмотреть суть полемики, ознакомимся с основными тезисами концепции речевых актов Серля и их отличий от остиновского учения. Серль выдвигает следующие положения своей теории:

1. Теория речевых актов Серля

1. Структура речевого акта

По Серлю, структура речевого акта имеет вид:

А) акт высказывания (произнесения);

Б) пропозициональный акт, который состоит из акта референции; акта предикации;

В) иллокутивный акт;

Г) перлокутивный акт.

Такая структура сложилась на фоне структуры речевого акта Остина, включающей:

1. Локутивный акт – «действие, которое приблизительно эквивалентно употреблению определенного предложения с определенным смыслом и определенной референцией, что, опять-таки, приблизительно эквивалентно «значению» в традиционном смысле» [2, с. 94]. Локутивное действие, по Остину, складывается:

- из фонетического акта – употребления определенных звуков;

- фатического акта – употребления определенных звуков (слов), принадлежащих определенному словарю и грамматике;
- ретического акта – использования слов с определенным смыслом и референцией.

2. Иллокутивный акт, или иллокутивные силы, – действие, которое обладает определенной силой при произнесении чего-либо. Он всегда конвенционален.

3. Перлокутивный акт – действие, которое достигает определенного результата посредством произнесения каких-либо слов. Перлокутивный акт всегда неконвенционален.

Наиболее базовым актом в конструкции Серля является произнесение морфем, слов и предложений, или, другими словами, акт высказывания. Морфема – элемент словоформы, который функционирует в лингвистической системе. В противоположность обычным фонемам Остина эти морфемы выстроены в определенные типы единств, функционирующих в языке. Таким образом, акт высказывания не соответствует остиновскому фонетическому акту. Это не значит, что Серль отрицает идею фонетического акта, а лишь говорит о том, что он посчитал нецелесообразным включить его в свою систему.

Акт высказывания – речевой акт без какого-либо определенного смысла. Осуществить акт высказывания без пропозиционального акта, – значит, «произнести слова, не говоря о чем-либо» [8, р. 24]. Вследствие этого становится очевидным, что акт высказывания соответствует фатическому акту Остина.

Пропозициональный акт Серля не равен, как это может показаться, ретическому акту Остина. Оба акта позволяют осмысленно использовать язык, т. е. наделять его определенным смыслом и референцией. Однако Серль полагает, что различные акты высказывания могут выражать один и тот же пропозициональный акт, в то время как Остин отрицает возможность того, чтобы различные фатические акты могли порождать один и тот же ретический акт. Более того, Остин утверждает, что там, где есть ретический акт, не может быть иллокутивного акта. Серль не согласен с этим, отвечая, что пропозициональный акт никак не исключает иллокуции.

Пропозициональный акт раскрывается через акт референции и акт предикации. Первый является полным речевым актом, потому как возможно отсылать к какому-либо объекту, эксплицитно ничего о нем не говоря. Второй всегда является неполным речевым актом, так как он не может вынести суждение без экспликации какого-либо объекта. Например, в выражении «пришел мужчина» слово «мужчина» референциально. Но оно не является таковым в словосочетании «Джон мужчина». В первом случае выражение служит идентификации некоторого человека мужского пола, а во втором предикации (приписыванию) некоего качества мужественности человеку по имени Джон. Совершенно очевид-

но, что во втором примере качество «мужчина» не может быть представлено само по себе; оно должно сопровождать референциальное выражение. Вот почему Серль говорит, что акт предикации вовсе «не является отдельным речевым актом» [там же, р. 122].

Серль подчеркивает, что следует проводить различие между отдельно взятым смыслом референциального выражения и пропозицией (суждением), сообщаемой высказыванием. Да, смысл может передаваться общими описательными терминами референциальных выражений, но во многих случаях смысл выражения сам по себе не способен сообщать пропозицию. Высказывание выражения «только в определенном контексте сообщает пропозицию». Так, например, референциальное выражение «мужчина» имеет смысл независимо от какого-либо контекста, но только в конкретном контексте оно способно отсылать, т. е. быть актом референции к некоторому индивиду и выносить о нем суждение. Это означает, что высказывание «этот мужчина пьян» является упоминанием (mention), а не использованием (use) в специфичном контексте. Оно не есть пропозициональный акт, даже несмотря на то, что обладает смыслом. Здесь имеет место акт предикации, но не акт референции, потому что референциальное выражение не функционирует, иными словами, не идентифицирует что-либо в некотором контексте. И поскольку фраза «этот мужчина пьян» – не пропозициональный акт (акт суждения), постольку она может быть только актом высказывания (произнесения).

Для чего Серлю понадобилось противопоставить пропозициональный акт ретическому? Приведем важную в этом отношении цитату: «Любое выражение, которое служит идентификации вещи, события, действия, или других видов «индивидуального», «определенного», я буду называть референциальным выражением. Только благодаря функции, а не поверхностным грамматическим формам или способам осуществления этой функции, референциальные выражения могут быть опознаны» [там же, р. 26].

Серль выступает здесь против возможности поверхностными грамматическими формами вычленять перформативы. Он подчеркивает, что нет необходимости приводить любое выражение к эксплицитному виду, как это делает Остин, чтобы показать, разновидность какого речевого акта имеет место быть. Часто сам контекст проясняет иллокутивную силу высказывания и определяет такой пропозициональный индикатор, о котором говорит Остин. Например, в зависимости от интонации выражение «Я буду там» может означать, а может и не означать обещание. Суждение (пропозиция) – высказывание адресата, что он будет «там», а интонация – индикатор силы иллокуции. Иллокуция здесь определяет пропозицию. На поверхностном уровне их невозможно различить. Обратный случай с эксплицитным выражением «Я обещаю». Он не обязательно является перформативом, т. к. может иметь пропозицио-

нальное содержание и не иметь иллокутивной силы. Например, когда произносится в ответ на вопрос: «Ты будешь там, не так ли?»

Фактически Серль указал на слабость теории Остина, которую тот и сам понимал (см. критику грамматического критерия в работе Остина «Как производить действия при помощи слов»), но которую сохранил в методологических целях классификации перформативов, не имея других средств. Серль же своей критикой и обновленной концепцией речевых актов показал, что такие другие средства есть. Их мы обнаруживаем, если рассматриваем акты не поверхностно, а сквозь призму глубинной грамматики, укорененной в сознании, и сквозь призму их функционирования в определенных контекстах.

Иная трактовка структуры речевых актов возможна во многом благодаря пересмотру остиновской дистинкции локуции/иллокуции. Серль отрицает существование таковой, поскольку значение (смысл), по его мнению, иногда определяет силу, а потому указанная дистинкция не может быть явно выражена. Например, выражение «я обещаю» детерминирует силу его высказывания, силу как иллокутивный акт обещания. Обещание может состояться в силу смысла выражения «я обещаю». Невозможно описать его ни как иллокуцию, ни как локуцию. «Я обещаю нечто» делает мое обещание (выполнить это нечто) обещанием только в силу своего значения. Несмотря на это совпадение, значение не сводится к силе, как и обратное.

2. Теория значения (смысла, подразумевания)

Серль пишет в работе «Остин о локуционных и иллокуционных актах» следующее: «Остин иногда говорит так, как если бы в дополнение к смыслу предложений было еще множество конвенций иллокутивных сил; но именно в тех случаях, где есть четкое различие между силой и смыслом, сила выражается не конвенцией, а другими элементами контекста, включая интенции говорящего; и как только сила связывается конвенцией, она становится или стремится стать частью смысла» [6, р. 414].

Другими словами, если следовать логике Остина и четко делить смысл, интенцию и другие элементы контекста, то никакой конвенции, которая детерминировала бы иллокутивный акт, мы не обнаружим. Однако если верить в существование конвенции, то сила и смысл станут практически неразличимыми.

Так, эксплицитная идиома «How do you do?» в английском языке имеет смысл и имеет силу приветствия. Это станет отчетливо видно, если мы переведем идиому, скажем, на русский язык. В переводе «Как ваши дела?» сила приветствия английского оригинала исчезнет, а смысл останется. И наоборот, если мы переведем идиому как «Привет!», то сила останется, а смысл пропадет. Следовательно, в английском оригинале смысл и сила спаяны между собой. Но где здесь конвенция? Ведь можно предположить, что сила и смысл английского выражения определяются только интенцией говорящего в специальном контексте. Однако, если я

увидю приближающегося знакомого и, поравнявшись с ним, произнесу английскую идиому по-русски – «Как ваши дела?», могу ли я ждать того, что он правильно поймет мое намерение поприветствовать его? Произведет ли мое интендированное высказывание иллокутивный эффект на знакомого? И вот здесь Серль показывает важность конвенции. Иногда, говорит Серль, значение есть нечто большее, чем интенция: «Значение – больше, чем факт интенции, оно также, по крайней мере иногда, факт конвенции». Предложение может иметь определенное значение, независимо от того, какой эффект я намерен произвести, произнося его в определенном контексте. В примере с «Как ваши дела?» я намерен произвести эффект приветствия на знакомого. Но мой знакомый может понять меня иначе, предположив, что я сразу перехожу к вопросу о его житии, заранее не поприветствовав его, и тем самым сделать заключение о моей невежественности. В английском оригинале иллокутивный эффект достигается за счет интенции, конвенции и значения. Смысл речевого акта, таким образом, может сообщаться интенционально и конвенционально (см. доказательство Серля на примере американского солдата, попавшего в плен к итальянцам и пытающегося выдать себя за немца).

Позже Серль попытается ввести понятия интенционального смысла и конвенционального смысла. Он предлагает следующую схему объяснения конвенционального смысла:

S произносит предложение T и подразумевает его (т.е. подразумевает буквально, что он говорит) =

S произносит T и

А) S намеревается (i1) посредством своего произнесения T сделать так, чтобы его реципиент Н понял (назовем это иллокутивным эффектом) положение дел, на которое указывают правила формулирования T;

Б) S намеревается произвести иллокутивный эффект посредством распознавания i1;

В) S намеревается, чтобы i1 было распознано в силу (или посредством) понимания Н правил, регулирующих (элементы) T.

Здесь понимать T означает знать его значение, а знать его значение означает понимать правила использования T. Таким образом, смысл речевого акта, по Серлю, есть функция интенции, контекста и конвенции.

В более поздних работах Серль разводит по обе стороны понятия интенционального и конвенционального смыслов и переходит к понятиям буквального смысла (смысла предложения) и смысла высказывания говорящего.

Буквальный смысл = конвенциональный смысл + фоновые допущения.

Смысл высказывания = интенциональный смысл говорящего + контекст.

И то, и то оказывает определенный иллюкутивный эффект на реципиента.

Еще позже Серль изменит свое отношение к понятию интенции. Теперь он будет отрицать «идею, что интенции смысла являются интенциями оказания эффектов на аудиторию» [там же, р. 101]. Формулировка предложения Т и подразумевание его больше не являются использованием конвенциональных средств с целью оказания иллюкутивного эффекта на реципиента. Так и смысл высказывания в терминах интенций говорящего не оказывает иллюкутивного эффекта на слушающего. Серль разделяет интенцию репрезентации и интенцию сообщения этой презентации. Репрезентируется положение дел, а сообщается репрезентация этого положения дел. «Репрезентация возникает до коммуникации, и интенции репрезентации возникают до интенций коммуникации. Часть того, что сообщается, является содержанием репрезентаций, но можно иметь намерения репрезентировать нечто без намерения сообщить» [там же, р. 166]. Можно подразумевать нечто, но не пытаться сообщить. Например, лектор может долго говорить о теории речевых актов, не пытаясь добиться понимания слушающих.

3. Речевые акты и паразиты

Анализ структуры речевого акта, особенно в части устройства пропозиционального акта, проливает свет на концепцию Серля о паразитических речевых актах. Его деление дискурса на паразитический и нормальный очень схоже с остиновским: «Я противопоставляю “серьезные” высказывания актерской игре, обучению языку, декламированию поэм, практике произношения и т. д., и я противопоставляю “буквальное” метафорическому, саркастическому и т. д.» [8, р. 57].

Рассмотрение этого вопроса следует начать с понятия паразитической референции. Серль указывает, что говорящий и слушающий могут вести взаимную беседу о некоей личности по имени Джонс, но только говорящий знает, о каком Джонсе идет речь. Референция слушающего к Джонсу, о котором он узнал от говорящего, будет «названа паразитической к изначальной референции говорящего» [там же, р. 89]. Слушающий в разговоре о Джонсе не знает Джонса и, следовательно, не знает, действительно ли говорящий отсылает его к кому-нибудь, кто реально существует. Он не может обеспечить «истинное идентификационное описание». Паразитическая референция означает, что слушающий верит, что в своей речи он отсылает к кому-то, к Джонсу, потому как он верит, что говорящий действительно изначально отсылал его к кому-то, когда говорил о Джонсе. Паразитическую референцию можно сравнить (и провести различие ее) с типом референции, которая имеет место в поэзии и трудах художественной литературы.

Серль различает существование и существование-в-фикции. В «Логическом статусе художественного дискурса» Серль говорит несколько больше о такой паразитической референции. Автор, используя

художественный вымысел, отсылает к чему-нибудь или кому-нибудь, кто не существует. На этой стадии автор даже не отсылает к вымышленному характеру, а только притворяется, что отсылает [3, с. 11]. Автор, делая вид, будто осуществляет референцию к объекту или персонажу, который не существует, создает объект или персонаж в качестве вымысла (фикции). Поэтому, когда кто-то отсылает паразитически к тому, к чему отсылает говорящий, тогда этот кто-то имеет объектом своей референции нечто существующее в фикции.

4. Деррида versus Серль

Итак, осветив основные положения концепции Серля, обратимся непосредственно к его полемике с Деррида. Пойдем по пунктам обвинения со стороны Серля, как они даны в статье «Ответ Деррида», и в каждом пункте приведем контраргумент французского философа.

1. Итерабельность.

Как понимает Серль дерридианское слово «итерабельность»? В «Ответе» он пишет: сказать, что лингвистический элемент является итерабельным – «просто сказать, что логическая дистинкция типа/токена должна применяться ко всем правилообразным элементам языка. Без этого свойства итерабельности нет никакой возможности производства бесконечного количества предложений с конечным набором элементов» [7, р. 199]. О чем идет речь? Что такое дистинкция тип/токен? Представим следующую ситуацию. Человек X, который никогда не слышал о дистинкции тип/токен, приглашен в комнату профессором У. Последний просит X посмотреть на доску, где изображены следующие фигуры:

КОТ

КОТ,

и ответить на вопрос, сколько слов тот видит. Если X ответит «два», У укажет, что на доске только одно слово. Если X ответит «одно», У укажет, что на доске начертано два слова. Так вот, если бы У был Серль, он сказал бы, что на доске два слова-токена одного слова-типа. Когда X читает два слова, то он видит два токена. Когда одно, он видит тип. Таким образом, мы имеем три объекта: два токена и один тип.

Если бы У был Деррида, он бы сказал, что два слова – итерации друг друга. Нижнее повторяет верхнее, и наоборот. Они одинаковы и различны одновременно. Одинаковы не в том смысле, что они указывают на некую общую сущность, какой является тип. Напротив, Деррида пытается объяснить знаки без вмешательства не-эмпирических общностей. Для него одинаковость – повторение друг друга с сохранением различия. Итерация всегда вязана с альтернативой, другим (латинский корень *itera* восходит к санскритскому *itara*, что в переводе означает «другой»). Например, множество фонем произнесения слова «кот» отличается от множества знаков его написания. Слово может быть написано различными шрифтами и произнесено различными интонациями. Все эти различия – различия такого же (same) знака, знака расщепленного.

Поэтому изначально интерпретация дерридианских понятий в платоновских терминах типа/токена, как это делает Серль, неверна, что и показывает сам Деррида.

Второе обвинение Серля в адрес Деррида заключается в том, что последний якобы спутал итерабельность с постоянством (permanence) [там же, р. 200–201].

Здесь Серль выделяет два феномена, дабы обратиться к их принципам. Первый феномен – ускользание текста от своего источника. Второй – отделение выражения от своего значения посредством цитации. В терминах Деррида, первый феномен называется «остатком», второй – «разрывом». Вместе с опространствливанием они образуют ткань письма. Другими словами, согласно Деррида, они являются «графематическими». Для Серля первый феномен действительно графематический, тогда как второй нет. Остаток является графематическим, но не разрыв. Что это значит для Серля? Для него первый феномен или наличие остатка, объясняется тем фактом, что письмо в отличие от речи постоянно. Оно остается, когда говорящий-пишущий отсутствует здесь и сейчас, и даже когда он мертв. Это классическая версия теории письма, которая противопоставляет речь письму, указывая, что только письмо продолжает существовать в отсутствие автора. Деррида считает, что вся языковая практика, а не только письмо, характеризуется отсутствием адресата.

То, что Серль мыслит классическими категориями, становится ясно, когда он отказывается считать второй феномен, или разрыв, графематическим. Он отрицает, что письмо может порвать с любым контекстом. Серль настаивает, что второй феномен – вопрос цитаты. Поскольку и письмо, и речь могут быть процитированы, постольку принцип второго феномена не является «в сущности графематическим». Разрыв означает, что означаемое может быть привито к бесчисленному количеству контекстов, в каждом из которых оно приобретет особый смысл. Но это отнюдь не значит, что разрыв свободен от любого контекста.

Деррида иронично отвечает Серлю, указывая на приверженность того классической трактовке. Он отрицает постоянство письма, поскольку постоянство – признак наличия, в то время как еще в «Подписи, событии, контексте» он показал, что письмо – не-присутствие. Также Деррида подчеркивает, что разрыв графематичен не в смысле классического понятия письма, а в том смысле, какой вкладывает в него сам Деррида своей неклассической теорией письма, которую Серль не удалось понять, хотя бы прочитав другие его тексты, а не только «Подпись, событие и контекст». Если отталкиваться от классической точки зрения, на позиции которой стоит Серль, то, конечно, Деррида согласен с ним по каждому пункту. Однако «графематический» здесь отсылает не к графеме, а к археписьму. И цитата – частный случай цитации или итерации, а не сама итерация. Поэтому аргумент через анализ цитаты никак не отменяет факта итерабельности знаков, посредством которой он от-

рывается от своего источника и контекста. Невозможно, чтобы знак возникал и имел место только однажды.

2. Значение, интенциональность и контекст

2.1. Интенциональность

Серль полагает, что поскольку согласно тезисам «Подписи, события, контекста» знак отделяется от своего источника и контекста осуществления, постольку Деррида утверждает об отсутствии интенции в письме. Что будто бы из-за итерабельности в тексте нет даже следа интенциональности. В отместку подобному пониманию письма Серль говорит, что «интенциональность играет в точности такую же роль в письме, как и в устной коммуникации. Что рознит два этих случая, так это не интенция говорящего, но роль контекста высказывания в успешном осуществлении коммуникации» [там же, р. 201].

Таким образом, выступая против тезисов Деррида, интерпретированных на свой лад, Серль объявляет, во-первых, что интенции присутствуют в письме, и, во-вторых, что есть важное отличие между контекстом речи и контекстом письма. Что контекст речи может быть имплицитным (нет надобности эксплицировать его говорящим), в то время как контекст письма должен быть эксплицирован в письменном тексте.

Деррида отрицает, 1) что письмо зависит от речи, как полагает Серль; 2) что роль контекста различна в речи и письме. Но существование интенциональности им не отрицается, в чем его обвиняет Серль. Деррида видит интенцию как часть формирования «тотального» (total) контекста [5, р.198]. Интенция имеет место в контексте, который влияет на неё и который сам подвергается влиянию с ее стороны. Она означает, но и означается контекстом. То есть интенция и текст означиваются одним и тем же контекстом (тотальным контекстом), а не двумя разными контекстами для двух разных интенций. Однако это не всегда так. Серль показал в своей концепции речевых актов, что интенция репрезентации и интенция коммуникации не одно и то же. Интенция не оставляет мет на тексте.

Таким образом, Деррида признает или отрицает интенцию не в большей степени, чем контекст. Но почему Серль посчитал, что такое отрицание было? Очевидно, по небольшому фрагменту из «Подписи, события, контекста», где говорится о возможности функционирования письма при радикальном отсутствии получателя (читателя) и отправителя (писателя). Однако в параграфе сообщается об «интенции говорить что-то значимое», быть значимым в отличие от интенции означивания. Она намеревается говорить что-то значимое, полное смысла (meaningful), которое никогда не присутствует, является как не-присутствие. Но слово «не-присутствие» не означает отсутствия. В своем письме Удебину Деррида объясняет понятие не-присутствия [1, с. 117]: Не-присутствие не есть отсутствие. Для Деррида это значит только то, что интенции никогда не могут полностью актуализироваться

(реализоваться и выразиться в высказывании). Они никогда полностью не присутствуют в языке из-за диссеминации [5, р. 193].

Интенция в каком-то смысле присутствует, но она не актуализирована полностью в языке. Поскольку любой текст может быть интерпретирован полисемично и поскольку из-за контекстуальных различий чтения любое значение диссеминирует при попытке интерпретировать текст, постольку не может быть простого и полного присутствия интенции означивания в тексте. «Радикальное отсутствие» подразумевает не отсутствие интенции, а только отсутствие интенции полного означивания (закрытой структуры).

2.2. Смысл предложения и смысл высказывания

Ранее мы указали, что Серль выделил два смысла речевого акта: смысл предложения и смысл высказывания. Оба зависят от контекста, и оба имеют разные интенциональности. Сначала поговорим о различии интенциональностей, потом перейдем к различию контекстов.

В высказывании – интенциональность автора, в предложении – конвенциональная, или заменимая (*fungible*), интенциональность. Конвенциональная – иными словами, подчиняющаяся правилам языка. Следовательно, зная лингвистические элементы и правила языка, можно определить, что подразумевал автор предложения, автор, который больше не присутствует.

Серль настаивает, что зависимость смысла высказывания от контекста и зависимость смысла предложения от контекста (фоновых допущений) отличаются. Так, смысл высказывания говорящего может иметь особый, специальный контекст, который контролируется самим говорящим, зависит от его индивидуального настроения. В то время как смысл предложения, высказанного говорящим, не имеет такого специального контекста, вместо этого есть фоновые допущения, которые есть конвенции говорящего, определяющие смысл языка. Поясним на примере:

- конвенциональное, буквальное значение предложения «Кот на коврике» в том, что кот расположен на коврике. Фоновыми допущениями является система координат, в которой задается положение кота: гравитационное поле Земли, кот не удерживается относительно коврика в космической невесомости, а давит на коврик своим весом и т.д. Фоновые допущения не являются частью семантического содержания предложения, но задают условия истинности значения. Контекст в виде фоновых допущений безусловно влияет на смысл, но он, как правило, более стабилен, чем контекст высказывания говорящего. т. е. конвенционально мы практически всегда понимаем значение предложения, что кот расположен на коврике;

- значение высказывания «Кот на коврике» может иметь специальный контекст. Например, когда говорящий подразумевает под этой фразой не некое создание, лежащее на ковре, а особый код-сигнал, который используется для поимки преступника, если говорящий ока-

зался полицейским и сигнализировал коллегам о начале плана-перехвата.

О различии между смыслом предложения и смыслом высказывания говорит и Деррида, когда цитирует отрывок из «Наследства» Ницше. Анализируя фразу «Я забыл свой зонтик», он подчеркивает, что никто не может знать, о чем писал Ницше в том специальном контексте, при тех обстоятельствах, в которых он пребывал. Вполне возможно, немецкий автор вкладывал совершенно иной смысл в эти слова. Мы знаем буквальное значение той фразы или некоторые интерпретации ее неустраняемого полисемического значения. Но никогда это значение не достигнет интенций и контекста высказывания автора. Ведь смысл диссеминирован.

2.3. Свободная игра, диссеминация и буквальная двусмысленность

Итак, Деррида соглашается в некоторой степени с Серлем, что предложения со смыслом – заменимые интенции [там же, р. 195], но он отрицает точку зрения, будто бы эти интенции могут полностью присутствовать в тексте. Итерабельность не дает интенциям актуализироваться: «Любая структура знака исключает гипотезу идеализации, т. е. соответствия значения самому себе» [там же, р. 199]. То есть итерабельность означает, что диссеминация неустранима. Не только говорящий не может актуализировать свои интенции в высказываниях, но и целое сообщество говорящих не может определить конвенциональные значения любого предложения, не столкнувшись с диссеминацией. Серль также верит в буквенную амбивалентность и неопределенность предложения. Но, по его мнению, двусмысленность не является бесконечной. Он обвиняет Деррида в анархии знаков, полагая, что без каких-либо оснований мы остаемся только со свободной игрой означающих. Как мы видели, Деррида говорит о неустраняемой полисемии (диссеминации). Но тезис о неустраняемости не подразумевает, что знаки, слова или предложения имеют недетерминированные смыслы. Для Деррида полисемия текста может быть детерминированной (*determinable*, частица *able* указывает на возможность, как и во всех словах типа *iterability*, *citability* и т. д.) [4, р. 115, 148].

В этом пункте мнения двух философов также пересекаются. Хотя писатель и может сказать, что он буквально подразумевает, мы не способны до конца узнать, что он имел в виду, потому как мы не осведомлены о «тотальном контексте» его заметок (о всех фоновых допущениях).

Итак, оба мыслителя считают, что значения зависят от контекстов; оба соглашаются, что эти контексты не неизменны; что предложения по отношению к своим контекстам полисемичны (диссеминированы). Различие мнений заключается в том, что Деррида в силу понятия итерабельности верит, что смысл предложения всегда будет полисемичным. Серль же принимает возможность существования однозначных

предложений. Например, предложение «Я забыл свой зонтик» не является двусмысленным. Итерабельность не делает различия в том, как оно (предложение) должно пониматься буквально.

3. Серьезный и паразитический дискурс

Паразитическими высказываниями являются те нормальные, серьезные высказывания, которые становятся несерьезными и ненормальными при использовании или упоминании в необычных обстоятельствах или контекстах. В большинстве случаев высказывания именно используются в контекстах, а не упоминаются. То есть поэт, новеллист и актер обычно не упоминают нормальные высказывания, а используют их. Они, как правило, не цитируют кого-то, а используют высказывания, написанные драматургами и сценаристами (в случае актеров), или используют высказывания из повседневной жизни (в случае новеллистов, драматургов и поэтов). Таким образом, Серль указывает, что паразитизм не является вопросом упоминания или цитаты. Он считает, что Деррида придерживается мнения, будто паразитизм есть цитация, которая одно и то же, что и цитата. Но для Деррида цитата только один из типов цитации (citationality), а цитация – это род использования (use) и упоминания (mention). Поэтому, если даже Деррида приравнял паразитизм к цитации, аргумент Серля о том, что паразитизм – не цитатность, будет неадекватным в качестве опровержения. Паразитизм, в терминах Деррида, является цитатностью высказывания в необычном контексте. Потому неверно полагать, будто Деррида свел «феномен цитации» к «феномену паразитического дискурса».

Итак, Серль думает, что цитата – это упоминание. Деррида же утверждает, что несерьезные цитатности являются «определенными модификациями» общей цитации. Например, высказывание «Я люблю тебя» является предложением, которое часто используется и упоминается. Иногда люди произносят его, чтобы передать свои чувства, а иногда просто цитируют. Порой эта фраза используется или упоминается в несерьезных контекстах, т. е. употребляется в качестве несерьезной цитатности. Например, когда твой враг говорит тебе публично «Я тебя люблю», он использует цитатность несерьезно. Деррида в отношении Остина говорит, что тот исключил из своего рассмотрения эту модификацию цитации. Также он подчеркивает, что без цитации «успешный» перформатив вообще не может состояться. И то, как Серль понимает цитацию, является в корне неверным.

Итак, Деррида не смешал понятие цитации с паразитизмом, как полагал Серль. Цитация указывает на тот факт, что знак или высказывание могут повторяться в разных контекстах и могут использоваться различными способами. Также он не смешивает понятия цитации и итерабельности, хотя большой разницы между ними нет. Серль неверно понял слово «итерабельный». Он счел, что оно означает «повторение кон-

венциональных форм». Но это не так. Формы или типы возникают только вследствие повторения конкретных знаков (токенов).

4. Цитатность, паразитизм и семантические правила

Следующим пунктом обвинения, выдвигаемым Серлем, является смешение Деррида понятий «цитатность» и «паразитизм» в критике Остина. Однако Деррида отвечает тем, что «никогда этого не говорил и не предполагал». Французский автор поясняет, что исключив не-серьезное, Остин проигнорировал такую важную черту любого языка, как цитация. Высказывание может быть вписано в бесконечное число контекстов и дать возможность рождению других многочисленных контекстов. В этом заключается суть итерабельности. Она является условием как серьезного, так и несерьезного высказывания. Деррида старается объяснить, почему остиновское исключение существенно. Он пытается деконструировать оппозицию нормального/паразитического [5, p. 241]. Паразит может быть паразитирован. Поэма, например, может быть спародирована; речь может быть напечатана или процитирована. Серьезное и не-серьезное не существуют в чистом виде, они взаимно инкорпорируются друг в друга. И правила (остиновские или серлевские) речевых актов, позволяющие провести черту между нормальными актами (вертикальными конвенциями) и паразитическими (горизонтальными конвенциями), не так уж чисты, как можно себе представить. А следовательно, невозможно построить исчерпывающую классификацию речевых актов, как это делает Серль, предлагая нам пять типов актов (репрезентативы, директивы, комиссивы, экспрессии и декларации). Итерабельность всегда дает возможность производства паразитов паразита. Но что можно предложить взамен исчерпывающей классификации актов? Деррида предлагает типологию форм итерации. Такая типология, по мнению Деррида, все еще возможна, если она не строит пределы и китайские стены вокруг паразитов. Типология возможна именно в силу того, что она неисчерпаема.

5. Оппозиция не-фикция/фикция и оппозиция речь/письмо

Серль критикует Деррида за то, что тот ошибочно приписал Остину смешение дистинкции не-фикции/фикции с дистинкцией речь/письмо. Зависимость фикции от не-фикции является логической, а зависимость письма от речи условна. Согласно интерпретации Серля, Деррида видит обе зависимости логическими, вследствие чего смешивает их.

Во-первых, Деррида отрицает саму по себе зависимость. Он также не разделяет предположения Серля о том, что текст «Подписи, события, контекста» постулирует подобную зависимость. Деррида поясняет, что в «Подписи» шла речь о письме, которое паразитирует на речи, и о фикции, паразитирующей на не-фикции. Письмо и речь являются примерами действия археписьма. Что касается логической зависимости фикции от не-фикции, то подобный тезис не имеет силы, поскольку нет

не-фикции без фикции. Ведь если бы таковая зависимость существовала, то мы должны были бы признать взаимную логическую связь в обе стороны. И тогда не-фикция оказалась бы паразитом по отношению к фикции.

6. Оппозиция нормы/паразита: стратегический ход или метафизическая редукция?

Серль считает исключение Остином паразитического дискурса исследовательской стратегией, а не метафизической редукцией, на чем настаивает Деррида. В качестве доказательства Серль приводит три положения:

- дистинкция паразитического и серьезного является просто логической;
- данная оппозиция не умаляет ценности остиновского анализа речевых актов;
- этот анализ в целом успешен.

На первое положение Деррида отвечает, что такие метафоры, как «паразит», «этиоляция» или «инфекция», несут оценочную силу вне зависимости от логических связей, которые между ними устанавливаются [там же, р. 235].

Деррида указывает, что подобная метафизическая редукция обнаруживается и у Серля, что в противоположность своим уверениям Серль не смог предложить общей теории речевых актов, которая бы охватила паразитические высказывания. Деррида ссылается на заметку Серля в «Логическом статусе художественного дискурса», дабы показать, что и сам Серль не думает, что смог предложить такую теорию: «...ещё нет общей теории механизмов, посредством которых подобные серьезные иллюкутивные намерения передаются притворными иллюкуциями» [3].

Таким образом, аксиологическая иерархия и постулирование простого основания, из которого берет начало деривация или падение, являются критерием метафизического дискурса.

7. Является ли дистинкция этической или политической?

Последнее критическое замечание Серль обрушивает на Деррида относительно позиции, согласно которой редукция паразитизма является вопросом морали. Деррида хочет сказать, что аксиология – вопрос этики. Другими словами, исключение паразита было исключением чего-то аморального. Французский мыслитель говорит о теории речевых актов как о «фундаментальном, внутреннем морализме». Помимо всего прочего Деррида заявляет, что остиновская теория политична.

Аргумент Серля таков: говоря, что фикция – паразит не-фикции, Остин подразумевал под «паразитическим» тот смысл, который мы можем придать понятию рациональных чисел, паразитирующих на понятии натуральных чисел. Поэтому паразитизм «не содержит каких-либо моральных оценок и, конечно, не предполагает имморальное вытеснение хозяина» [7, р. 205]. Также Серль подчеркивает, что паразитический дискурс является

частью обыденного языка в остиновском смысле. Необычным в случае поэм, игр и новелл является не их язык, а их обстоятельства.

Деррида прямо не отвечает на данную критику, парируя, что он уже дал ответ, когда деконструировал аксиологическую оппозицию серьезного и паразитического. Но некоторое пояснение он все же предлагает. Он говорит, что Остин своими методами, с одной стороны, способствует появлению этико-политического дискурса, а с другой стороны, следует тем нормам, которые сам же своей теорией и устанавливает. Первое приветствуется Деррида, второе отвергается.

Прошла ли полемика Деррида и Серля бесследно, как небольшой эпизод в творчестве двух мыслителей? Как нам кажется, нет, по крайней мере для Деррида и всего постструктуралистического мира. Poleмика была важным индикатором движения мысли второй половины XX в. Теория речевых актов дала постструктуралистам возможность продуцирования этико-политического дискурса как перформативной практики работы с властными формами традиционного дискурса. Так, благодаря осмыслению критических замечаний деконструкция Деррида перешла от констативного этапа к перформативному. Позднее творчество автора полностью посвящено этико-политической практике. Но и аналитический мир не стоял на месте, все более скрупулезно оттачивая и расширяя свою концептуальную систему под натиском континентальной мысли.

Список литературы

1. Деррида Ж. *Позиции*. М.: Академический Проект, 2007. 160 с.
2. Остин Дж. *Избранное*. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999. 332 с.
3. Серль Дж. Логический статус художественного дискурса [Электронный ресурс]. URL: <http://bit.ly/UPADLG> (дата обращения: 15.04.2013).
4. Derrida J. *Afterword: Toward an Ethic of Discussion* // Derrida J. Limited Inc. Evanston, Illinois, 1988.
5. Derrida J. *Limited Inc*. Evanston, Illinois, 1988.
6. Searle J.R. *Intentionality: An Essay in the Philosophy of Mind*. Cambridge; New York, 1983.
7. Searle J.R. *Reiterating the Differences: A Reply to Derrida*. Baltimore, 1977.
8. Searle J.R. *Speech Acts: An Essay in the Philosophy of Language*. Cambridge, 1969.

J. DERRIDA AND J. SEARLE: DECONSTRUCTION VERSUS SPEECH ACTS THEORY

V.V. Smirnov

Tver State University, Tver

John Searle and Jacques Derrida are respectively the representatives of analytic and poststructuralist traditions in contemporary Western philosophy. The article is focused on the comparative analysis of two philosophical schools conceptual schemes on the basis of the polemical discussion between the two thinkers in the end of 70-ies of the 20-th century. The polemic was not expressed in the direct open debate, but articulated in written comments on the opponent's views. The form of the discussion looks especially important allowing to reveal the system of arguments and conceptual frame specific for analytic and poststructuralist thought.

Key words: *speech acts, context, locution, illocution, perlocution, proposition, iterability, citationality, parasitism, use and mentioning, deconstruction.*

Об авторе:

СМИРНОВ Всеволод Валерьевич – аспирант кафедры философии и теории культуры ФГБОУ ВПО «Тверской государственный университет», Тверь. E-mail: smir.vsevolod@yandex.ru

Author information:

SMIRNOV Vsevolod Valerievich – Ph.D. student of the Department of Philosophy and Culture Theory, State University, Tver. E-mail: smir.vsevolod@yandex.ru